

Почему я стал таким? Почему стою на этом пути?

Чтобы быть ближе к тебе.

Чтобы ждать тебя. Чтобы быть рядом.

Ради тебя.

— 18 января 2005 года

Познакомившись с круглолицым Малышом, Линь Илинь окончательно убедился: чертовщина — штука наследственная.

Малыш битых двадцать минут самозабвенно изучал меню, решительно не желая отпустить свою «жертву».

— Братик, а какой напиток мне выбрать? — он невинно захолопал огромными глазами.

У Илиня от дежурной улыбки уже сводило челюсть.

— А что ты обычно любишь? — кротко выдавил он.

— Ну-у... чай с молоком — это хорошо... Лимонный? Слишком пресный... Или, может... э-э...

Бог весть, как в таком нежном возрасте можно быть столь несносным болтуном.

— Пожалуйста, побыстрее, другие клиенты ждут, — не выдержал Илинь и в сердцах бросил жалобный взгляд на Чэнь Лу.

Малыш тут же обиженно надул губы, а в его глазах, готовых вот-вот пролиться слезами, заблестела влага. Ледяной взор менеджера вонзился Илиню прямо в лопатки. Испугавшись за свою зарплату, парень натянуто рассмеялся:

— Сегодня много народу, я пока побегаяю, а как определитесь — позовите.

Личико Малыша мгновенно прояснилось. Он вцепился в край фартука Линь Илиня:

— Братик, ты такой милашка! Дай свой номер телефона?

Чэнь Лу, который до этого с деланным равнодушием подпирал подбородок ладонью, наконец соизволил проявить зачатки совести. Он свернул меню в трубочку и легонько шлепнул Малыша по круглой макушке:

— Один американо и стакан молока.

Малыш обиженно сощурился и с нескрываемым презрением воззрился на Чэнь Лу:

— Как по-детски! Сам еще молоко хлещет!

— Это тебе, — буднично отозвался молодой господин, привычно ущипнув того за пухлую щеку.

Пользуясь моментом, Илинь скрылся так стремительно, как не бегал еще ни разу.

В уютной пиццерии шум голосов сливался с негромкой музыкой. Малыш взобрался на сиденье, озираясь по сторонам, и, обнаружив нечто подозрительное, пухлыми ручонками обвил шею Чэнь Лу:

— О-о, плохой дядя!

— Сиди смирно... а не то и впрямь в ров выброшу, — Чэнь Лу едва сдерживался. Его нелюбовь к детям рядом с этим Малышом обострялась до предела.

— Хм! — Малыш ничуть не испугался угрозы, напротив, он с самодовольным видом принялся анализировать: — Ты всё время смотришь на того красивого братика. Вы знакомы? Опять что-то недоброе задумал? Мамочка говорит, что Лу-лу — самый ветреный и на него нельзя положиться!

— Ишь ты. И что еще твоя мать обо мне плетет? — Чэнь Лу прищурился, всерьез подумывая больше никогда не соглашаться на просьбы этой несносной парочки посидеть с их чадом.

— Не скажу! — Малыш вовремя отступил и, подбоченясь, провозгласил: — Красивый братик мой! Я забираю его себе! Не смей у меня его отнимать!

— И зачем он тебе? — усмехнулся Чэнь Лу.

— Обнимать, целовать... ой!.. Лу-лу дерется... — Весь пыл Малыша угас под метким щелчком по лбу.

Чэнь Лу убрал руку и хмыкнул:

— Это моя жена, не смей ему мешать.

— Врешь! Братик на тебя даже не смотрит! И вообще, Лу-лу нравятся вот такие сестрички! — Малыш изобразил руками в воздухе преувеличенно пышные формы.

На стол с глухим стуком опустилась тарелка. Линь Илинь с каменным лицом поставил пиццу и, не говоря ни слова, развернулся.

— Ура-а! — Малыш набросился на калорийное лакомство. Схватив кусок и обернувшись, он удивленно протянул: — Лу-лу, а чего это ты так побледнел?..

***

Кран был выкручен до упора. Белоснежная пена с шипением исчезала в сливе, пока фаянс не засиял безупречной чистотой.

Линь Илинь устало оперся о раковину и тяжело вздохнул. Он уже сбился со счета, сколько раз перетер этот несчастный умывальник. Ему просто не хотелось выходить в зал. Не хотелось видеть того, чья жизнь всегда казалась такой полной и счастливой. Не хотелось встречаться с этим пронзительным, честным взглядом синих глаз. Самоуверенность Чэнь Лу всегда выбивала его из колеи, заставляя нервничать и чувствовать себя последним дураком.

— Эй... долго ты еще тут драить собираешься, староста?

Как говорится, помяни черта. Илинь вздрогнул. В широком зеркале отразился высокий силуэт Чэнь Лу; на его красивом лице снова играла эта полуулыбка-полуусмешка.

Линь Илинь в суматохе перекрыл воду и подхватил чистящие средства, пытаясь прошмыгнуть мимо, но Чэнь Лу преградил ему путь, упершись рукой в стену.

— Я настолько тебе противен? — Чэнь Лу склонился к его уху, понизив голос. — Что ты готов весь день от меня прятаться.

— Нет, просто по правилам нам запрещено болтать с клиентами, — Илинь взял себя в руки, хотя щеки предательски горели. — Поел — уходи, не мешай работать.

— Менеджер сказал, что твоя смена окончена, — Чэнь Лу демонстративно ткнул пальцем в циферблат своих часов.

— Тогда... мне пора домой, заниматься. Прощай.

Не в силах больше выносить это негласное давление, Линь Илинь резко оттолкнул руку Чэнь Лу и направился в сторону раздевалки.

— Я думал, ты завален учебой, вот и не беспокоил, — Чэнь Лу шел по пятам. — Но зачем ты вкалываешь на этой черной работе?

Линь Илинь даже не обернулся — отвечать на столь оторванные от реальности вопросы не было ни желания, ни сил. Но Чэнь Лу, не замечая чужого настроения, продолжал:

— Если тебе нужны деньги, я могу устроить тебя на место почище. И платить будут больше.

— Неужели? — Илинь вдруг резко замер и с горькой усмешкой посмотрел на него. — Может, ты тогда сразу за меня и жизнь мою распланируешь?

— А почему бы и нет? — Чэнь Лу моргнул, искренне не понимая иронии.

«Святая простота...» Илинь задохнулся от возмущения, но спорить не стал, лишь одарил его ледяным взглядом. Чэнь Лу, поняв, что опять сморозил что-то не то, быстро подмигнул притаившемуся в углу племяннику.

— Бра-а-атик!..

Не успел Линь Илинь сделать и шага, как вездесущий Малыш снова повис на нем. Он забавно хлопал черными глазенками, а его голосок звучал тонко и жалобно, как у брошенного котенка:

— А где ты живешь? Лу-лу сказал, что вы лучшие друзья! Я хочу к тебе в гости!

— Э-э, я... у меня там беспорядок... — Илинь совершенно не умел отказывать детям. С ними нельзя было ни строго, ни ласково — стоило лишь немного отстраниться, как малыш вцепился в него еще крепче.

— Неважно! Всё равно хочу! Пожалуйста, братик! — Малыш пустил в ход всё свое мастерство.

— Но я...

В глазах Малыша вновь заблестели слезы.

— Ты меня ненавидишь... Я и вправду гадкий ребенок...

— Нет-нет, что ты, — Илинь почувствовал, что сейчас окончательно сдастся.

Он, разумеется, не заметил, как Малыш хитро подмигнул Чэнь Лу. И уж тем более не знал, что за этот спектакль тот пообещал Малышу целый день в парке развлечений без всяких ограничений.

— Только не плачь... Ладно, поехали, — вздохнул Илин, капитулируя перед этим напором.

Если вы хотите увидеть, что такое профессионализм, вам стоило бы взглянуть, с какой скоростью Малыш вскарабкался на руки к Линь Илиню.

«Ламборгини» неслась по ночным улицам, пока наконец не затормозила в пригороде Пекина, довольно далеко от Пицца Хат. Чэнь Лу выпустил руль и невольно вздохнул:

— Ты живешь здесь? И едешь в такую даль на работу?

Целый час пути в одну сторону. Он никак не мог взять в толк, как этот парень, худой как щепка, умудряется день за днем выдерживать такие вояжи на ледяном ветру.

— Здесь жилье дешевое. Один студент уехал на родину и пересдал мне комнату... Всё равно ближе, чем из моего родного города, — Илин устало улыбнулся и осторожно выбрался из машины.

Малыш на его руках уже давно и сладко сопел. Снег еще не сошел, и холодный воздух заставил Линь Илина невольно вздрогнуть. Чэнь Лу молча забрал у него спящего ребенка и так же молча взял Илина за руку. Тот попытался было высвободиться, но, побоявшись разбудить Малыша, оставил эти попытки.

Они шли так тихо, что в обшарпанном подъезде даже не сработали датчики света. В этой густой темноте казалось, что всё тайное и наблевшее надежно скрыто от чужих глаз. Илин почувствовал, как к горлу подступил комок от тепла чужой ладони.

Крохотная комнатка. Сразу у порога — кровать и письменный стол. Малюсенький санузел и едва заметная кухонька. Теснота невероятная. Но для Илина это жилище казалось вполне сносным. Чэнь Лу нахмурился, оглядывая каморку; единственное, что его тут устроило, — это идеальная чистота.

Он осторожно опустил Малыша на кровать. В этот момент перед ним появилась чашка с горячей водой. Линь Илин застенчиво улыбнулся:

— Не думал, что ко мне придут гости. Угостить совсем нечем.

Хоть прием и был более чем скромным, Чэнь Лу не стал отпускать колкостей, как сделал бы раньше. Он принял чашку и сделал глоток. Зрелость не приходит в одночасье, но он явно старался избавиться от своей прежней заносчивости.

В комнате воцарилась тяжелая тишина. Они не знали, о чем говорить, а из-за тесноты даже присесть было особо негде.

— Ты чего? Застыл вдруг... — Илинь всё еще стоял у кровати, неловко сцепив пальцы. Рядом с рослым Чэнь Лу он казался совсем беззащитным.

— Ничего. — Чэнь Лу стянул кожаную куртку и — к полному изумлению Илиня — завалился прямо на кровать, на пахнувшие мылом простыни.

Ему хотелось сказать что-то вроде: «Наконец-то я могу перевести дух и успокоиться», но он ни за что бы не признался в этом такому пугливому дурачку.

— Эй! — Илинь увидел, что на Чэнь Лу осталась одна черная майка, и невольно воскликнул: — Тут плохо топят, холодно! Забирай брата и езжайте домой.

— Тебе-то что? — Чэнь Лу и ухом не повел. Он зажег настольную лампу, выудил с полки томик стихов и, бегло пролистав пару страниц, безапелляционно заявил: — Сегодня я ночью здесь.

Спорить с ним было бесполезно — Илинь это знал. Он лишь поджал губы и ушел в кухонный закуток. Закипела вода. Пачка самой дешевой лапши и минимум приправ — вот и весь ужин. Он уже и забыл, когда ел что-то другое. Не особо полезно, зато горячо и желудок не болит. Странно, но при всей этой бедности он даже в ресторане не чувствовал голода.

Где-то в глубине души он понимал: чужая теплая и благополучная жизнь никогда не будет иметь к нему отношения.

Илинь задумчиво помешивал варево. В клубах пара его лицо казалось призрачным, а в его взгляде затаилась какая-то неизбывная грусть.

— Ты серьезно собираешься это есть? — Голос Чэнь Лу раздался прямо за спиной — тихий, чтобы не разбудить Малыша.

— Угу, — не оборачиваясь, бросил Илинь.

— Прости... Мне стоило сначала накормить тебя нормально, — в голосе Чэнь Лу промелькнуло раскаяние.

— Да ладно тебе... — Илинь выключил плитку, давая понять, что разговор окончен.

Чэнь Лу смотрел на его узкую спину в тусклом свете лампы, и эта картина показалась ему вдруг удивительно домашней. С каких это пор одного взгляда на этого человека стало достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым?

Следуя инстинкту и не давая себе времени на раздумья, он сделал шаг вперед и крепко обнял застывшего Илиня, прижимая его к своей широкой груди.

— Я тоже хочу, — прошептал Чэнь Лу ему прямо в ухо.

От этого горячего дыхания у Илиня в голове всё помутилось. Он в испуге обернулся, обнаружив лицо Чэнь Лу в считанных сантиметрах от своего, и тут же поспешно отвернулся, чувствуя, как краснеют кончики ушей. Возможно, в вопросах чувств он был куда опытнее Чэнь Лу, но в том, что касалось плотского желания, оставался сущим ребенком.

— Это... это невкусно.

— Плевать. Я съем всё, что ты приготовишь.

Илинь не мог противостоять этой нарочито капризной, мальчишеской интонации. Он стоял, прижатый к нему, и мелко дрожал, пытаясь вернуть остатки здравомыслия:

— Перестань... Ты же обещал, что не будешь больше меня мучить...

— Я не причиню тебе боли. Просто когда я тебя не вижу, жизнь теряет всякий смысл, — Чэнь Лу едва не прикусил его ухо, продолжая гнуть свою линию: — У тебя и так полно обожателей, одним больше, одним меньше — какая разница? Так пусть этим «одним» буду я.

Илинь выглядел так, будто готов был расплакаться. О спорах не могло быть и речи; его тело, парализованное страхом и волнением, полностью обмякло в руках Чэнь Лу. Сквозь тонкую ткань майки Илинь отчетливо ощущал жар чужого тела, твердость мускулов и недвусмысленные намеки, от которых бросало в краску.

На самом деле Чэнь Лу не собирался заходить слишком далеко — он знал, насколько его избранник хрупок. Но тот был так очарователен в своем смущении, что он лишь крепче сжал объятия.

— Хватит дурачиться... Ложись спать, мне завтра к маме ехать, — Илинь предпринял слабую попытку вырваться, которая лишь сильнее раззадорила Чэнь Лу.

Как всякий парень, Линь Илинь прекрасно понимал, к чему всё идет, и его лицо вспыхнуло пунцовым пламенем. Чэнь Лу впервые видел его таким: эта нежная розоватая дымка на бледной коже заставила его сердце пуститься вскачь. Былая уверенность в себе испарилась без следа.

— Тогда я тебя отвезу.

Шепот, соскользнувший с уха на щеку, был больше похож на затяжной поцелуй. Линь Илинь, окончательно потерявший способность соображать, только и мог, что судорожно сжимать руки; его пальцы побелели от напряжения. Голос его сорвался на мольбу:

— Прекрати это истязание... Моя мама ни за что тебя не примет с твоим длинным языком... Она... она заподозрит...

Заподозрит, что он такой же, как его отец.

Чэнь Лу уловил подтекст, и в нем вскипело глухое недовольство: «Твоя реакция говорит о чем угодно, только не о неприязни. К чему эта ложь самому себе?»

Настроение молодого господина менялось как погода в горах. Передумав отпускать добычу, он запустил руку под тонкий белый свитер Илиня.

...Неужели это случится? Последние капли воли Илиня таяли.

Но едва Чэнь Лу потянул его на себя, желая украсть поцелуй, за их спинами раздался сонный, капризный голос:

— Лу-лу, я хочу пи-пи...

Илинь мгновенно пришел в себя. Ошарашенно обернувшись, он увидел заспанную физиономию своего маленького спасителя — Малыша.

<http://bllate.org/book/17434/1664353>